

The Open University of Israel

THE JEWISH AGENCY
FOR ISRAEL

Лекция по курсу "Галаха и философия"

**Об эзотеризме
"Путеводителя
растерянных"**

лектор - Ури Гершович

Сократ

Платон. Государство (кн. 2)

[Два вида словесности: истинный и ложный. Роль мифов в воспитании стражей]

- Не правда ли в словесности же есть два вида: один — истинный, а другой — ложный?

- Да.

- И воспитывать надо в обоих видах, но сперва — в ложном?

- Вовсе не понимаю, о чем это ты говоришь.

- Ты не понимаешь, что малым детям мы сперва рассказываем мифы? Это, вообще говоря, ложь, но есть них и истина. Имея дело с детьми, мы к мифам прибегаем раньше, чем к гимнастическим упражнениям.

- Да, это так...

- Разве ты не знаешь, что во всяком деле самое главное — это начало, в особенности если это касается чего-то юного и нежного. Тогда всего более образуются и укореняются те черты, которые кто-либо желает там запечатлеть.

- Совершенно верно.

- Разве можем мы так легко допустить, чтобы дети слушали и воспринимали душой какие попало мифы, выдуманные кем попало и большей частью противоречащие тем мнениям, которые, как мы считаем, должны быть у них, когда они повзрослеют?

- Мы этого ни в коем случае не допустим.

- Прежде всего, нам, вероятно, надо смотреть за творцами мифов: если их произведение хорошо, мы допустим его, если же нет — отвергнем. Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей скорее, чем их тела — руками. А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить. [...]

Платон. Государство (кн. 2)

[Два вида словесности: истинный и ложный. Роль мифов в воспитании стражей]

...Вовсе не следует излагать и расписывать битвы гигантов и разные другие многочисленные раздоры богов и героев с их родственниками и низкими — напротив, если мы намерены внушить убеждение, что никогда никто из граждан не питал вражды к другому и что это было бы нечестиво, то об этом-то и должны сразу же и побольше рассказывать детям и старики, и старухи, да и потом, когда дети подрастут; и поэтов надо заставить не отклоняться от этого в своем творчестве... А о битвах богов, сочиненных Гомером,— такие рассказы недопустимы в нашем государстве, все равно сочинены ли они с намеком или без него. Ребенок не в состоянии судить, где содержится иносказание, а где нет, и мнения, воспринятые им в таком раннем возрасте, обычно становятся неизгладимыми и неизменными. Вот почему, пожалуй, всего более надо добиваться, чтобы первые мифы, услышанные детьми, самым заботливым образом были направлены к добродетели. [...]

Надо утверждать, что бог вершит лишь справедливое и благое, а кара, постигающая этих людей, им же на пользу. Но нельзя позволить утверждать поэту, будто они бедствуют, подвергаясь наказанию, а тот, от кого это зависит, — бог. Однако, если бы поэты сказали, что люди эти нуждались в каре и что бедствуют только порочные, которые, подвергаясь наказанию, извлекают для себя пользу от бога, это можно допустить. Но когда говорят, что бог, будучи благим, становится для кого-нибудь источником зла, с этим всячески надо бороться: никто — ни юноша, ни взрослый, если он стремится к законности в своем государстве, — не должен ни говорить об этом, ни слушать ни в стихотворном, ни в прозаическом изложении, потому что такое утверждение нечестиво, не полезно нам и содержит в самом себе неувязку [...]

Платон. Государство (кн. 3)]389b]

— Ведь надо высоко ставить истину. Если мы правильно недавно сказали, что богам ложь по существу бесполезна, людям же она полезна в виде лечебного средства, ясно, что такое средство надо предоставить врачам, а несведущие люди не должны к нему прикасаться.

— Да, это ясно.

— Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан — для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать. Если частное лицо станет лгать подобным правителям, мы будем считать это таким же — и даже худшим — проступком, чем ложь больного врачу, или когда занимающийся гимнастическими упражнениями не говорит правды учителю о состоянии своего тела, или когда гребец сообщает кормчему о корабле и гребцах не то, что на самом деле происходит с ним и с другими гребцами.

Платон. Второе послание Дионисию

[312d-314c]

Ты говоришь, что тобой недостаточно воспринято учение о природе первопричины. Я должен тебе ответить иносказательно, дабы если эта табличка испытает какие-либо превратности на суше и море, тот, кому она попадет в руки, ее бы не понял...

Остерегайся только, чтобы все это не стало достоянием людей невоспитанных. Мне кажется, что для большинства нет почти ничего, что казалось бы смешнее таких вот мыслей; с другой стороны для людей благородных духом нет ничего более дивного и вдохновляющего...

Более всего надо печься о том, чтобы ничего не записывать, но все познавать и усваивать: ведь невозможно, чтобы написанное не получило огласки. Поэтому я никогда ничего не писал о таких вещах, и на свете нет и не будет никакой Платоновой записи; а то, что теперь читают, — это речи Сократа...

Платон. Седьмое послание родственникам и друзьям Диора [341с-342а]

У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает. И вот что еще я знаю: написанное и сказанное мною было бы сказано наилучшим образом, но я знаю также, что написанное плохо причинило бы мне сильнейшее огорчение. Если бы мне показалось, что следует написать или сказать это в понятной многим форме, что более прекрасного могло быть сделано в моей жизни, чем принести столь великую пользу людям, раскрыв всем в письменном виде сущность вещей? Но я думаю, что подобная попытка не явилась бы благом для людей, исключая очень немногих, которые и сами при малейшем указании способны все это найти; что же касается остальных, то одних это совсем неуместно преисполнило бы несправедливым презрением к философии, а других – высокой, но пустой надеждой, что они научились чему-то важному.

Аль-Фараби (870-950). Трактат о взглядах жителей добродетельного города, гл. 33

Общими вещами, кои надлежит знать всем жителям добродетельного города являются следующие.

- 1) Во-первых, они должны знать Первопричину и все ее атрибуты;
- 2) затем – вещи, существующие отдельно от материи, и свойственные каждой из них атрибуты, а также занимаемые ими ступени вплоть до Деятельного разума и деятельность каждой из них;
- 3) далее, они должны знать небесные субстанции и свойственные каждой из них атрибуты;
- 4) далее, природные тела, расположенные ниже этих субстанций, и то, как они образуются и разрушаются, а также то, что все происходящее в них делается совершенно, законченно, заботливо, справедливо, мудро и что во всем этом нет никаких упущений, недостатка или какой-либо несправедливости;
- 5) затем они должны о происхождении человека, о том, как возникают способности души, и о том, как Деятельный разум проливает на нее свет, образуя в ней первые понятия, а также волю и свободу выбора;
- 6) далее они должны знать первого главу и то, как совершается откровение;
- 7) затем – тех глав, которые должны замещать первого главу при его отсутствии в тот или иной момент времени;
- 8) далее они должны знать о добродетельном городе, о его жителях и о том счастье, которого достигают их души;
- 9) они должны знать о противоположных ему городах и о том, что становится с душами их жителей после смерти, - о том, что одних из них ждет счастье, других небытие;
- 10) далее они должны знать о добродетельных народах и о народах, им противоположных.

Аль-Фараби (870-950). Трактат о взглядах жителей добродетельного города, гл. 33

Все эти вещи познаются одним из двух следующих способов: либо они запечатлеваются в их душах в том виде, в каком они существуют в действительности, либо же они запечатлеваются в душах по аналогии или подражанию, что получается в тех случаях, когда в этих душах возникают такие образы вещей, которые подражают самим вещам. Так, в добродетельном городе их познают мудрецы посредством доказательств и собственной интуиции; те, кто следует за мудрецами, веря и доверяя им, познают эти вещи такими, как их видят мудрецы; остальные познают их посредством подражательных представлений, так как их умы от природы или по привычке лишены способности понимать эти вещи так, как они существуют в действительности... Те знания, которые имеются у мудрецов, безусловно, суть наилучшие знания. Среди тех, кто познает вещи посредством подражательных представлений, одни познают их с помощью представлений, близких к самому объекту, другие – с помощью представлений, несколько далеких от объекта, третьи – с помощью представлений, еще более далеких от объекта, а четвертые – посредством представлений, очень далеких от объекта. У каждого народа и у жителей каждого города эти вещи воспроизводятся посредством представлений, наиболее им известных. Наиболее же известные представления у каждого народа могут различаться либо в большинстве своем, либо частично... Вот почему у различных добродетельных городов и добродетельных народов могут быть различные религии, хотя все они верят в одно и то же счастье и стремятся к одним и тем же целям [...]

Аль-Фараби (870-950). Трактат о взглядах жителей добродетельного города, гл. 33

Все эти вещи познаются одним из двух следующих способов: либо они запечатлеваются в их душах в том виде, в каком они существуют в действительности, либо же они запечатлеваются в душах по аналогии или подражанию, что получается в тех случаях, когда в этих душах возникают такие образы вещей, которые подражают самим вещам. Так, в добродетельном городе их познают мудрецы посредством доказательств и собственной интуиции; те, кто следует за мудрецами, веря и доверяя им, познают эти вещи такими, как их видят мудрецы; остальные познают их посредством подражательных представлений, так как их умы от природы или по привычке лишены способности понимать эти вещи так, как они существуют в действительности... Те знания, которые имеются у мудрецов, безусловно, суть наилучшие знания. Среди тех, кто познает вещи посредством подражательных представлений, одни познают их с помощью представлений, близких к самому объекту, другие – с помощью представлений, несколько далеких от объекта, третьи – с помощью представлений, еще более далеких от объекта, а четвертые – посредством представлений, очень далеких от объекта. У каждого народа и у жителей каждого города эти вещи воспроизводятся посредством представлений, наиболее им известных. Наиболее же известные представления у каждого народа могут различаться либо в большинстве своем, либо частично... Вот почему у различных добродетельных городов и добродетельных народов могут быть различные религии, хотя все они верят в одно и то же счастье и стремятся к одним и тем же целям [...]

Аль-Фараби (870-950). Трактат о взглядах жителей добродетельного города, гл. 33

Среди тех, кто познает вещи с помощью подражательных представлений, могут встретиться такие, которые обнаружив спорные пункты, останавливаются на них. Таковые бывают нескольких категорий.

Те, кто нуждается в руководстве. Когда что-либо, по мнению кого-нибудь из них, оказывается ложным, он возвышается до другого представления, более близкого к истине и не могущего стать предметом для подобного спора. Если он этим удовлетворяется, то он останавливается на этом, но если такое представление ему кажется также ошибочным, он поднимается еще выше. Если же он удовлетворяется, то останавливается на этом. И всякий раз, как какое-либо представление на данной ступени оказывается, по его мнению, ошибочным, он поднимается на более высокую ступень. Если же все представления кажутся ему ложными, то это значит, что он обладает даром постигать истину.

К другой категории относятся те, кто следует некоторым целям невежественных городов, - таким, как почести, достаток, наслаждение богатством и т.п. Увидев, что законы добродетельного города запрещают их, они обращаются к воззрениям добродетельного города с тем, чтобы извратить их все, будут ли они воспроизведениями истины или тем, что причастно к истине...

Еще одна категория включает в себя тех, кому все представления кажутся ложными вследствие содержащихся в них спорных моментов, а также вследствие того, что по плохой сообразительности своей они не могут разобраться в том, какие из этих представлений содержат в себе истину...

Ибн Сина (Авиценна, 980-1037). Книга Исцеления

...Истинное понятие единства Бога спутает религию масс... и не замедлят они отвергнуть существование подобное этому, начнут спорить и заниматься исследованиями и сравнениями, которые отвлекут их от их обязанностей в государстве. А иногда это может привести их к мнениям, противоположным тому, что является пользой для государства, и противоречащих необходимой истине. Умножаться среди них сомнения и ложные утверждения, и пророку будет крайне сложно совладать с ними. (442.19-443.21)

Нет ничего плохого в том, чтобы в слова его [пророка-законодателя] заключали в себе иносказания и намеки, которые бы подвигли тех, кто готов к этому по своим природным данным, заняться философским исследованием. (443.11-12)

И не следует человеку открыто показывать, что он обладает истиной, скрытой от простого народа. Более того, он не может позволить себе открывать хотя бы малую толику из этого. Но должен возглашать перед людьми величие Бога и Его славу с помощью иносказаний и примеров, соответствующих тому, что в их глазах является возвеличением и прославлением. (443.22-25)

ИБН РУШД (АВЕРРОЭС, 1126-1198)

РАССУЖДЕНИЕ, ВЫНОСЯЩЕЕ РЕШЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СВЯЗИ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ

Причина, по которой священные тексты оказались содержащими в себе буквальный и внутренний смысл, заключается в различиях между природными способностями людей, их врожденными предрасположениями к составлению суждения. Причина же, по которой в [Коране] содержатся высказывания, противоречащие друг другу по своему буквальному смыслу, заключается в том, чтобы побудить людей, твердых в знаниях, к примиряющему их толкованию...

Могут возразить: «В священных текстах есть такие вещи, которые мусульмане единодушно понимают в буквальном смысле, такие, которые они [так же единодушно] подвергают аллегорическому толкованию, и такие, относительно которых их мнения разошлись. Так допустимо ли, чтобы доказательство вело к аллегорическому толкованию того, что единодушно принимают в буквальном смысле, или к буквальному пониманию того, что единодушно истолковывается аллегорически?» На это мы ответим так. Если единодушие установлено достоверным образом, то это было бы неправомерно; но если оно основано на мнении, то правомерно...

Что касается предметов, которые ввиду их сокровенности можно познать лишь с помощью доказательства, то Аллах смилостивился над своими рабами, для которых доказательство недоступно из-за врожденных ли им качеств, навыков или отсутствия средств для обучения, создав им образы и подобия таких предметов и призвав их верить в эти образы. Ибо в эти образы можно поверить, опираясь на доводы, общие для всех, а именно на доводы диалектические и риторические. Поэтому-то [содержание] священных текстов и распадается на буквальное и внутреннее: буквальное — это образы, созданные для этих предметов; внутреннее — это [сами] предметы, которые ясны лишь аподейктикам...

ИБН РУШД (АВЕРРОЭС, 1126-1198)

РАССУЖДЕНИЕ, ВЫНОСЯЩЕЕ РЕШЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СВЯЗИ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ

Если же, как мы говорили, случится так, что мы познаем сам предмет [всеми] тремя способами, то нам не потребуется создавать образы его, и он будет оставаться так, как выглядит извне, не допуская иносказательного толкования. Если такого рода внешнее относится к основоположениям [религии], то любой, кто подвергает его аллегорическому толкованию, есть неверующий. Таков, например, человек, думающий, будто нет ни блаженства, ни мук в потусторонней жизни, будто это учение имеет в виду только то, чтобы люди оберегали один от другого свое телесное и чувственное бытие, что это уловка и что у человека нет иной цели, помимо одного лишь чувственного существования.

Поскольку это установлено, то из сказанного нами должно быть тебе уже ясно, что в священных текстах есть такая внешняя сторона, которая не подлежит аллегорическому толкованию (если толкование ее касается основоположений, то это неверие, если следующих за ними положений, то ересь), а также такая, которую должны толковать аподейтики. Если последние понимают ее буквально, то это неверие; если же ее подвергают аллегорическому толкованию и выводят из буквального смысла неаподейтики, то с их стороны это либо неверие, либо ересь...

Вот те соображения, которые мы сочли нужным изложить по поводу данного рода [предметов], т. е. по поводу отношения между религией и философией и правил аллегорического толкования священных текстов. Если бы это не было достоянием людской молвы, если бы достоянием молвы не были затронутые нами вопросы, мы бы не позволили себе ни написать об этом хоть одной буквы, ни привести тем, кому положено давать аллегорическое толкование, в оправдание этого хоть один довод, ибо данные вопросы таковы, что их можно затрагивать лишь в аподейктических книгах. Аллах же — тот, кто ведет и поспешествует в следовании по правильном пути.

ИБН РУШД (АВЕРРОЭС, 1126-1198)

РАССУЖДЕНИЕ, ВЫНОСЯЩЕЕ РЕШЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СВЯЗИ МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ

Итак, с точки зрения [разумения] священных текстов люди [делятся] на три разряда. К одному разряду относятся те, кто вовсе не способен к толкованию [священных текстов]; это риторика, составляющие широкую публику, ибо нет ни одного здравомыслящего человека, который был бы лишен [способности к] риторическому суждению. К другому разряду относятся те, кто способен к диалектическому толкованию; это диалектики только по природе или по природе и по навыку. К третьему разряду относятся те, кто способен к аподейктическому толкованию; это аподейктики по природе и по науке, т. е. по философской науке. Последний вид толкования не подлежит разглашению перед диалектиками, а тем более перед публикой. Разглашение какого-нибудь из подобных толкований перед человеком, не способным к их [уразумению], — это особенно касается аподейктических толкований, так как они наиболее далеки от доступных всем знаний, — ввергает в неверие и того, перед кем оно разглашается, и того, кто его разглашает. Ибо последний ставит своей целью доказательство несостоятельности буквального смысла [священных текстов] и истинности своего толкования [их], но если он опровергнет буквальный смысл в присутствии человека, который окажется способным [уразуметь лишь] буквальный смысл и в глазах которого толкование останется недоказанным, то это приведет к неверию, если дело будет касаться основоположений религии. Толкования, стало быть, не подлежат ни разглашению перед публикой, ни доказательству в риторических или диалектических книгах...Поэтому, когда возникнет сомнение относительно того, является ли буквальный смысл [текста] самоочевидным для всех и невозможно ли для них знание его толкования, его не следует разглашать, говоря при этом, что текст допускает-де двоякое понимание и [смысл его] ведом одному только Аллаху...Что же касается человека, разглашающего эти толкования перед теми, кто не способен их понимать, то он неверующий постольку, поскольку призывает людей к неверию, выступая против призывов вероучителя, особенно тогда, когда это порочные толкования, касающиеся основоположений религии.

Мишна, Хагига 2:1

Не толкуют законы о запрещенных связях в присутствии трех человек, *Маасе Берешит* – в присутствии двух, а *Маасе Меркава* – даже одного, разве что тот умудрен и способен к самостоятельному постижению. Лучше бы не являться на свет тому, кто рассматривает следующие четыре вопроса: что наверху, что внизу, что было и что будет? Лучше бы не являться на свет и тому, кто не испытывает уважения к своему Создателю.

Комментарий Рамбама.

"Учение о Колеснице" не разъясняют никоим образом даже "единственному [слушателю]", за исключением того случая, когда он... схватывает и понимает подразумеваемое самостоятельно, когда не нужны ему разъяснения, а достаточно только намёка, на основании которого он сам построит умозаключения, - в этом смысл их речения "обучают его началам глав". Ибо есть понятия, которые запечатлеваются в душах совершенных людей и которые, будучи высказаны словами и изображены посредством аналогий, огрубляются и утрачивают свой смысл.

Комментарий Рамбама к «Главам» Гиппократата

Предисловие

Не думаю, чтобы кто-либо из ученых людей, сочиняющих книги, мог составить книгу по какой-либо области знания, подразумевая при этом, что содержание этой книги будет непонятно без комментария. А если бы кто-то из сочинителей имел такое намерение, то тем самым он обесмыслил бы сочинение книги, ибо никто не станет писать книгу для того, чтобы самому понять ее содержание. Книга всегда пишется для того, чтобы ее понял кто-то другой. А ежели содержание книги можно понять только с помощью другого сочинения, то такую книгу можно было и не писать.

Вместе с тем, я вижу четыре причины, заставляющие ученых последующих поколений объяснять и комментировать труды своих предшественников.

Первая из них – это высокая степень совершенства сочинителя, который в силу своего понимания говорит о глубоких и сокрытых, трудных для постижения предметах кратким языком, который, с его точки зрения, все объясняет и не требует дополнений. Когда же кто-либо из последующих поколений захочет понять эти предметы, исходя из того, что его предшественник высказал столь кратко, ему придется очень тяжело. И комментатор будет вынужден добавлять слова к сказанному – покуда не станет понятен предмет (рассуждение), который имелся в виду тем, первым сочинителем.

Вторая причина – отсутствие указаний на предварительные сведения (предпосылки), которые были известны сочинителю. Ведь иногда автор составляет книгу, кажущуюся ему самодостаточной, ибо он полагает, что тому, кто будет ее изучать, известны те предпосылки, без которых ничего в ней не понять. И тогда комментатор должен будет перечислить эти предпосылки и указать на них. По этой же причине комментатору иногда приходится объяснять некую дисциплину, о которой автор сочинения не упоминает [но использует].

Комментарий Рамбама к «Главам» Гиппократата

Предисловие

Не думаю, чтобы кто-либо из ученых людей, сочиняющих книги, мог составить книгу по какой-либо области знания, подразумевая при этом, что содержание этой книги будет непонятно без комментария. А если бы кто-то из сочинителей имел такое намерение, то тем самым он обесмыслил бы сочинение книги, ибо никто не станет писать книгу для того, чтобы самому понять ее содержание. Книга всегда пишется для того, чтобы ее понял кто-то другой. А ежели содержание книги можно понять только с помощью другого сочинения, то такую книгу можно было и не писать.

Вместе с тем, я вижу четыре причины, заставляющие ученых последующих поколений объяснять и комментировать труды своих предшественников.

Первая из них – это высокая степень совершенства сочинителя, который в силу своего понимания говорит о глубоких и сокрытых, трудных для постижения предметах кратким языком, который, с его точки зрения, все объясняет и не требует дополнений. Когда же кто-либо из последующих поколений захочет понять эти предметы, исходя из того, что его предшественник высказал столь кратко, ему придется очень тяжело. И комментатор будет вынужден добавлять слова к сказанному – покуда не станет понятен предмет (рассуждение), который имелся в виду тем, первым сочинителем.

Вторая причина – отсутствие указаний на предварительные сведения (предпосылки), которые были известны сочинителю. Ведь иногда автор составляет книгу, кажущуюся ему самодостаточной, ибо он полагает, что тому, кто будет ее изучать, известны те предпосылки, без которых ничего в ней не понять. И тогда комментатор должен будет перечислить эти предпосылки и указать на них. По этой же причине комментатору иногда приходится объяснять некую дисциплину, о которой автор сочинения не упоминает [но использует].

Комментарий Рамбама к «Главам» Гиппократата

Предисловие

Третья причина – свойства высказывания, ибо большая часть высказываний на любом языке допускает различные осмысления, и можно из одного высказывания понять различные вещи, иногда противоположные и даже противоречивые. И между изучающими это высказывание возникнут разногласия, один будет предполагать одно, а другой – другое, и каждый будет настаивать на своем. И комментатор должен будет указать, какое осмысление является верным и привести доказательства в его пользу, и опровергнуть все остальные возможности.

Четвертая причина – идея, к которой сочинитель пришел без должного рассмотрения, или повторение одного и того же, или бесполезное высказывание. И комментатор должен указать это и привести доказательство того, что данное высказывание неверно, или повторяет известное, или бесполезно. И такой комментарий на самом деле следует называть возражением или замечанием.

И вот каков обычай среди людей, изучающих книги. Если большая часть сказанного автором – истина, то перечислит [комментатор] замечания по поводу тех незначительных недостатков отдельно от комментария и скажет: «без должного рассмотрения сказал автор так-то и так-то, а истина такова...»; или: «этого не следовало упоминать»; или: «это повторение известного», – и объяснит все это. Если же большая часть сказанного в книге ошибочна, то сочинение, вскрывающее эти ошибки, должно называться критикой, а не комментарием. И при упоминании в критическом сочинении тех истинных высказываний, которые все же имеются в критикуемой книге, скажет [критик]: «однако сказал автор то-то и то-то – и это истина».

И все комментарии к книгам Аристотеля написаны в силу первой и третьей причин... И все комментарии к математическим книгам написаны в силу второй причины, а часть – в силу четвертой...

Рамбам. «Море невухим».

Введение к первой части

...Кроме того, предлагаемый трактат имеет и вторую цель: толкование глубоко таинственных аллегорий, содержащихся в пророческих книгах и при том не оговоренных явно как аллегории, так что невежде и глупцу представляется, будто они могут быть поняты буквально и нет в них скрытого смысла. Однако истинно мудрый, всмотревшись в них и истолковав их буквально, придет в сильнейшую растерянность; когда же объясним ему те аллегории или обратим его внимание на то, что перед ним аллегория, он обретет верный путь и избавится от растерянности. Потому и назвал я предлагаемый трактат "Путеводителем растерянных".

Я не утверждаю, что трактат разрешит все затруднения для того, кто понял его, однако утверждаю, что он разрешит большинство трудностей и наиболее серьезные из них. И потому пусть не требует от меня разумеющий и пусть не надеется, что во всех случаях, когда мы приступаем к изложению определенного предмета, мы завершим его, или, начав разъяснять смысл какой-либо аллегории, мы исчерпаем все, что содержится в этой аллегории. Это недостижимо ни для одного мудреца, даже в устной речи, напрямую обращенной к собеседнику; как же изложить это письменно в книге, не сделав ее мишенью для всякого невежды, который возомнит себя ученым и вздумает метать в нее стрелы своего невежества?

В наших галахических сочинениях мы уже изложили кое-что из этой области и коснулись намеком многих вопросов. Мы упомянули там, что "Учение о Начале" ("*Маасе Берешит*") есть не что иное, как наука о природе, а "Учение о Колеснице" ("*Маасе Меркава*") - теология. Мы разъяснили изречение [мудрецов], гласящее: "...не [толкуют] о Колеснице [даже] в присутствии одного [слушателя], но только тому, кто обладает мудростью и понимает своим умом, передают начала глав" (Хагига 11б, 13а). Так что и ты не требуй от меня чего-либо кроме *начала глав*; и даже эти начала расположены в настоящем трактате не упорядоченно и последовательно, а вразброс, вперемешку с другими предметами из числа тех, что я собираюсь излагать. Ибо моей целью было, чтобы истины то проглядывали в нем, то вновь скрывались, дабы не противиться Божественному замыслу - [замыслу] Того, Кому противиться невозможно, и Кто сделал истины, особо причастные к постижению Его, сокрытыми от людской толпы, как сказано: "Тайна Господа - для боящихся его" (Пс. 25:14).

Знай, что даже среди того, что касается природных вещей, невозможно публично преподавать некоторые начала в их истинном виде, как гласит известное тебе изречение [мудрецов], благословенна их память: "[не толкуют] о Начале в присутствии двух [слушателей]" (Хагига 11б). Но если бы кто-либо разъяснил подобные предметы в книге, то он тем самым *толковал* бы о них перед тысячами людей. Потому даже эти вопросы излагаются в пророческих книгах посредством аллегорий; так же и *мудрецы*, благословенна их память, говорили о них загадками и аллегориями, следуя примеру Писания. Ибо между этими предметами и Божественной наукой существует тесная связь, так что они тоже относятся к числу тайн Божественной науки.

И не думай, что эти великие *тайны* ведомы до глубины и до конца кому-либо из нас. Не так это, но порой на мгновение блеснет перед нами истина, и нам покажется, будто настал день, но затем скроют ее материя и привычки, и мы снова окажемся в беспросветной ночи, почти в таком же положении, как вначале; так что мы подобны тому, пред кем время от времени вспыхивает молния, но он все же пребывает в очень темной ночи; есть среди нас такие, перед которыми молнии вспыхивают одна за другой так [часто], что им словно бы светит постоянный, немеркнущий свет и ночь для них превращается в день. Таков уровень величайшего из пророков, которому было сказано: "а ты останься со Мною" (Втор. 5:28) - и о котором сказано: "...стало сиять лучами лицо его" (Исх. 34:29)...

Знай, что если кто-либо из совершенных пожелает изложить устно или письменно нечто из *тайн*, понятых им в соответствии со ступенью его совершенства, то он не сможет даже то, что постигнуто им самим, разъяснить вполне отчетливо и упорядоченно - так, как это принято в иных разделах знания, изучение которых широко распространено. Ибо, при обучении другого, случится то же, что происходило, когда он сам изучал это: [изучаемый] предмет будет то появляться, мерцая, то снова исчезать, будто сама природа этого предмета такова - велик он или мал.

Поэтому, когда любой мудрец, [познающий] Божество, Господа, и обретший истину, намеревается преподать нечто, относящееся к этой отрасли знания, он говорит об этом не иначе как прибегая к аллегориям и загадкам...

Даже у того, кто пытается учить, не используя аллегорий и загадок, в речах возникает такая усложненность и отрывочность, что она равнозначна аллегоричности и загадочности, словно ученые и мудрецы движимы к тому Божественной волей так же, как они движимы своими природными состояниями.

Не обратил ли ты внимания на следующее: Бог (да превознесется Его Имя!) пожелал привести нас к совершенству и улучшить состояние наших сообществ посредством законов, относящихся к действию; это стало возможным только после того, как мы обрели [некоторые] интеллектуальные убеждения, и, в первую очередь, постигли Его, да превознесется Он, насколько это в наших силах, что, в свою очередь, невозможно было без Божественной науки. Но эта Божественная наука может быть усвоена только после науки о природе, поскольку наука о природе граничит с наукой о Божестве и предшествует ей по времени обучения, - как ясно всякому, кто теоретически изучал этот [вопрос]. И потому Он, Превознесенный, начал Свою Книгу с *Учения о Начале*, представляющего собой, как мы разъяснили, науку о природе.

И по причине величественности этого предмета и превознесенности его, из-за неспособности нашей постичь сей наивеличайший предмет таким, каков он есть, были возвещены те глубокие знания (возвещение коих было вызвано необходимостью, определяемой Божественной мудростью) в форме аллегорий и загадок, в чрезвычайно темных речениях. Сказали благословенной памяти [мудрецы]: «Явить человеку из плоти и крови всю мощь Начального творения невозможно и потому Писание говорит тебе словами, скрывающими тайну: "В начале сотворил Бог..."» (Быт. 1:1)» (Мидраш Шней Ктувим // Батей Мидрашот, I, с. 251). Здесь дано тебе указание, что приведенные слова *скрывают тайну*; как сказано в известном тебе изречении Соломона: "Далеко то, что было; глубоко, глубоко - кто постигнет это?" (Эккл. 7:24). И речь обо всем этом ведется многозначными выражениями, дабы толпа восприняла их в смысле, соответствующем мере ее понимания и слабости ее интеллектуальных представлений, а совершенный, обретший знание, воспринял бы их в другом смысле...

В данном же трактате, как уже упоминалось, я обращаю свою речь к тому, кто занимался философией и изучал истинные науки и при этом верует в слова Закона, но ощущает растерянность по поводу их значений, в тех случаях, когда неясные выражения и аллегии вызывают таковую...

Рамбам. «Море невухим».

Наставление о сем трактате

Если желаешь усвоить целиком то, что заключено в нем, не упустив ничего, сопоставляй его главы друг с другом; твоей целью в каждой главе должно быть не только понимание ее общего смысла, но и усвоение смысла каждого выражения, проявляющегося в ее тексте, даже если оно не относится к основной теме главы. Ибо в сем трактате изложение ведется не как попало, но с чрезвычайной тщательностью и сугубой точностью, с заботой о том, чтобы избежать искажения при разъяснении трудных вопросов, и нет такого выражения, находящегося не на своем месте, которое бы не служило разъяснением определенного вопроса, [излагаемого] в другом месте.

Потому не подгоняй его под свои домыслы, ибо в противном случае ты навредишь мне, а себе не принесешь пользы. Но подобает, чтобы ты изучал все, что следует изучать, и постоянно обращал свое умозрение к [трактату]; в этом случае он разъяснит тебе большинство трудных вопросов Закона, - тех, что затрудняют всякого разумеющего.

И всякого, кто будет читать этот трактат мой, я заклинаю Богом, да превознесется Он, не толковать в нем ни единого слова и не объяснять другому из него ничего, кроме того, что явно высказано в словах моих предшественников из числа знаменитых мудрецов нашего Закона. Если же он уразумеет из моего [трактата] то, что не высказывалось явно ни одним из наших знаменитых мужей, пусть не объясняет это другому и пусть не торопится возражать, ибо, возможно, он понял мои слова противоположно тому, что я имел в виду. В этом случае он причинит мне вред, тогда как я намеревался помочь ему, и окажется тем, кто *"платит злом за добро"* (ср. Пс. 38:21)....

И ведает Бог, да превознесется Он, - непрестанно находился я в величайшей тревоге, излагая то, что я намеревался изложить в сем трактате. Ибо это эзотерические предметы, которым среди книг, имеющих у нас, не посвящено ни одной книги, написанной кем-либо из нашей общины в сии времена *Изгнания*, - так как же я введу такое новшество и примусь излагать это?

Однако я обрел опору в двух положениях. Во-первых, [мудрецы] говорят о подобной ситуации: "Время действовать во имя Господа [нарушили Тору Твою]" (Пс. 119:126, см. Брахот 63а, Йома 69а, Гиттин 60а), а во-вторых, сказано ими: "Все дела твои да будут во имя неба" (Авот 2:15). На два эти положения я опирался при написании некоторых глав настоящего трактата.

И в заключение [скажу]: такой я человек, что если ситуация безвыходна, путь тесен, и я не нахожу иного способа преподать доказанную истину, чем тот, который подойдет одному достойному и не устроит десятки тысяч невежд, я предпочту поведать это ради него одного, не обращая внимания на хулу со стороны этого множества народа; я буду настаивать на том, чтобы спасти этого единственного достойного от того, в чем он запутался, и в его растерянности укажу ему путь, пока он не достигнет совершенства и обретет покой.

Рамбам. «Море невухим».

Предисловие

Причиной противоречий и противоположностей, встречающихся в какой-либо книге или сочинении, может быть одна из семи причин.

Причина первая. Сочинитель собрал высказывания многих людей, представляющих различные точки зрения, опустив ссылки и не указывая авторов каждого высказывания. В этом случае в этом сочинении могут возникнуть противоречия и противоположности, из-за того, что одно из двух суждений будет отражать подход одного лица, а второе - другого.

Причина вторая. Автор данной книги придерживался определенного мнения, а потом изменил его, и остались записанными как ранние, так и поздние высказывания.

Причина третья. Не во всех высказываниях смысл явен, но в одних он явен, а другие являются аллегориями и обладают внутренним смыслом; либо, быть может, оба суждения, которые по своему внешнему смыслу противоречат друг другу, на самом деле суть аллегории и именно из-за того, что были поняты согласно их внешнему смыслу, оказались взаимно противоречивыми или противоположными.

Причина четвертая. Имеется некоторое условие, которое в силу каких-то вынуждающих обстоятельств не оговорено явно в соответствующем месте, или, быть может, субъекты двух [суждений] различны, однако один из них не оговорен в соответствующем месте; из-за этого кажется, что есть противоречие между высказываниями, тогда как на самом деле его нет.

Причина пятая. Нужды преподавания и разъяснения, а именно - ситуации, когда некоторое глубокое, трудное для интеллектуального представления понятие приходится упомянуть или использовать как предпосылку для разъяснения другого, легко представимого понятия, которое следует преподавать прежде, чем то, первое (ибо всегда начинают с более легкого). В этом случае учителю должно проявить снисходительность, разъясняя оное первое понятие сообразно обстоятельствам, рассматривая его в грубом приближении, не принимаясь за точное исследование его истинной сущности, но предоставив это воображению слушателя, - чтобы сделать понятным то, что он намеревался объяснить в настоящий момент, - и лишь затем произвести строгое исследование сложного понятия и раскрыть его истинную сущность в подобающем месте.

Причина шестая. Неявный характер противоречия и то обстоятельство, что оно обнаруживается только после [присоединения] многочисленных [вспомогательных] посылок. И чем больше посылок требуется для выявления [противоречия], тем более оно сокрыто, так что может ускользнуть от внимания автора. Он полагает, что между двумя исходными суждениями противоречия нет; но если взять каждое из них в отдельности, присоединить к нему истинную посылку и вывести необходимое заключение, и так же поступить с каждым полученным выводом - присоединить к нему истинную посылку и сделать необходимый вывод, - то в конце концов после некоторого числа силлогизмов это приведет к противоречию или противоположности между двумя конечными выводами, что может ускользнуть и от взора ученых сочинителей. Но если сами исходные суждения находятся в явном противоречии и [автор] просто забыл о первом в тот момент, когда в другом месте сочинения он записывал второе, то это - чрезвычайно серьезный недостаток, и такого [автора] не следует относить к числу тех, чьи слова заслуживают внимания.

Рамбам. «Море невухим».

Предисловие

Причина седьмая. Необходимость при изложении чрезвычайно глубоких материй скрывать одни их аспекты и открывать другие. Иногда необходимость заставляет вести речь по поводу некоторого высказывания, принимая определенную посылку, а о другой теме необходимость заставляет вести речь, принимая другую посылку, противоречащую первой. И подобает, чтобы место, заключающее в себе противоречие, ни в коей мере не было заметно широкой публике, а бывает, что сочинитель находит способ и вовсе скрыть его.

Что касается противоречий, встречающихся в *Мишне* и *барайтах*, то они связаны с причинами первого типа...

Противоречия и несоответствия, попадающие в Талмуде, связаны с причинами первого и второго типа...

Что же касается тех противоречий и противоположностей, которые на первый взгляд присутствуют во внешнем смысле некоторых мест любых пророческих книг, то они вызваны третьей и четвертой причинами; к этому соображению ведет нас весь ход изложения в данном предисловии...

Такое часто встречается в словах мудрецов, благословенна их память. Но только в большинстве случаев они имеют в виду пророческие речения, относящиеся к заповедям и моральным предписаниям, нашей же целью является рассмотрение тех *стихов*, во внешнем плане которых обнаруживаются противоречия в том, что касается воззрений и верований. Немногое из этого будет истолковано в некоторых главах сего трактата, ибо этот предмет также относится к *тайнам Торы*. Однако [вопрос о том], встречаются ли в пророческих книгах противоречия, вызванные седьмой причиной, должен быть предметом теоретического рассмотрения и исследования, и не следует торопиться с ответом.

Что же до несоответствий, встречающихся в книгах философов - тех из них, которые постигают истину, - то это вызвано пятой причиной.

Противоречия же, встречающиеся в большинстве книг авторов и комментаторов, не относящихся к вышеупомянутым категориям, вызваны шестой причиной. Также и в *Мидраше* и *Агаде* встречаются серьезные противоречия, проистекающие из этой причины. Поэтому говорится: "*Не спрашивают о противоречиях в Агаде*". Встречаются там и противоречия, вызванные седьмой причиной.

Что же касается тех несоответствий, которые встречаются в сем трактате, то они объясняются пятой или седьмой причинами; знай же сие, постигни истинный смысл этого, помни твердо, чтобы не привели тебя в растерянность некоторые главы [трактата].

После этих предварительных замечаний приступаю к упоминанию имен, требующих указаний на истинный смысл, подразумеваемый в них, в каждом случае соответственно контексту.

Это послужит ключом, позволяющим войти в те пределы, что за закрытыми воротами. И когда распахнутся те ворота, когда войдут в них, то души обретут там покой, глаза насладятся и тела отдохнут от трудов и тягот своих.

Рамбам. «Море невухим».

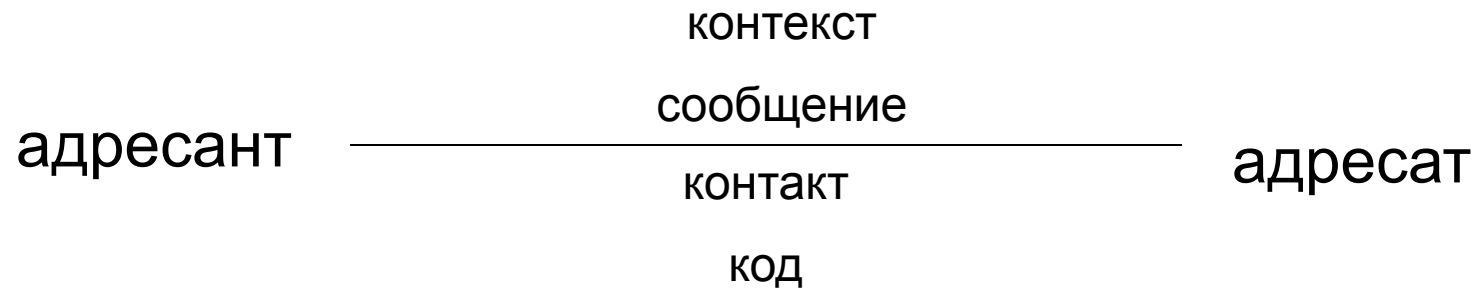
Предисловие к третьей части

Мы неоднократно указывали, что основной задачей этого сочинения было разъяснить то, что можно разъяснить, касательно повествований о сотворении мира и о «Божественной колеснице» (*маасе берешит* и *маасе меркава*), с учетом тех, для кого оно было написано. Мы писали, что эти вещи относятся к категории тайн Торы, а тебе известно, как упрекают наши мудрецы, благословенна их память, людей, которые их разглашают. Они, благословенна их память, говорят, что огромна награда тех, кто скрывает тайны Торы, которые ясны и открыты для мыслящих людей... И если есть разумение в сердце твоём, ты поймешь всю степень мудрости их наставления. Они прояснили, сколь глубоко повествование о «Божественной колеснице» и сколь чуждо оно для понимания толпы. Оказалось, что даже того, кого Господь наделил разумением и кто понял что-либо из этих вещей, Тора запрещает учить им иначе, как с глазу на глаз, более того, даже передавать их человеку, который обладает указанными выше качествами, ему можно сообщить лишь названия глав. Это явилось причиной полной утраты этих знаний народом, так что не осталось от них никакого следа. И не могло произойти иначе, так как они всегда передавались от одного к другому и не были записаны в книгах.

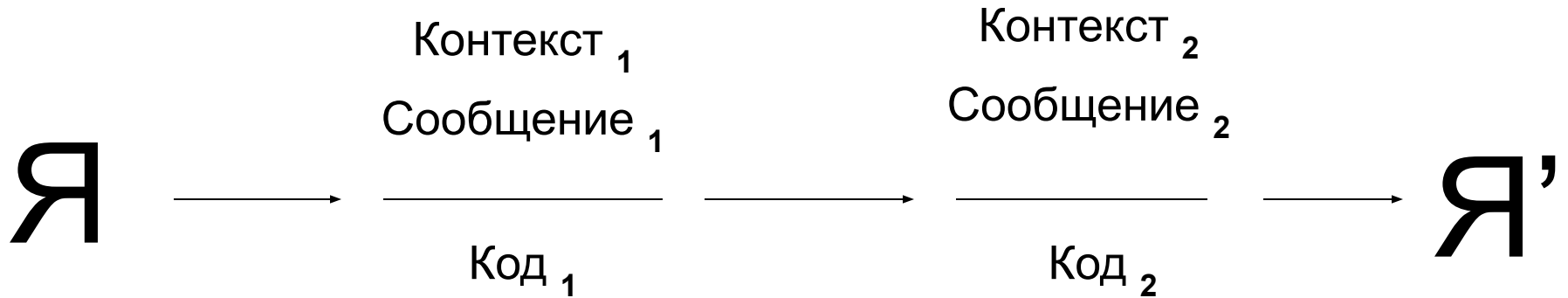
Как же после этого могу я затеять разъяснение того, что стало мне ведомо и доступно моему разумению? Однако, если бы я опустил что-либо, известное мне и ставшее мне понятным, так что это знание неизбежно погибло бы вместе со мной, чем это было бы как не обманом по отношению к тебе и всем другим колеблющимся? Это было бы подобно сокрытию истины от тех, кто заслуживает ее знать, или лишению наследства. Эти качества заслуживают всяческого осуждения. С другой стороны, мы уже указывали, что полное разъяснение этих вещей запрещено Торой и противоречит здравому смыслу. Добавлю, что к тому, что мне стало известно в этих областях, я пришел следуя рассудку; к этому меня привело не пророчество Свыше и не знание, полученное от наставника. Но написанное в Книгах Пророков и слова мудрецов наших, наряду с известными мне спекулятивными послылками, показали, как обстоит дело в действительности, хотя, разумеется, возможно, на самом деле это не совсем так, и истинный смысл этих вещей иной.

Итак, по зрелому размышлению и с Божьей помощью, я принял следующее решение. Я объясню то, что сказал пророк Йехезкель, благословенна его память, таким образом, чтобы каждый, кто услышит мои объяснения, решил, что я не сказал ничего такого, что бы уже не содержалось в тексте, как если бы я занимался переводом с одного языка на другой или прояснял вкратце явный смысл текста. Когда же их прочтет тот, для кого и было написано наше сочинение, тщательно вдумываясь в сказанное мной, ему откроется все то, что стало ясно мне, ничто не останется от него сокрытым. И это наибольшая польза для людей, которой можно достичь, не преступая запрета на разъяснение этих вещей при обучении им.

Схема Якобсона

Лотман («Я»)

Лотман (L)

